

БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

Ю.А. Воронцова, Е.Ю. Хорошко

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Монография

Белгород
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина
2024

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус.
В 75

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина

Воронцова, Ю. А.
В 75 **Теория и практика правовой коммуникации** : монография /
Ю. А. Воронцова, Е. Ю. Хорошко. – Белгород : Белгородский юридиче-
ский институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024. – 48 с.
ISBN 978-5-91776-535-8

Рецензенты:

Посиделова В.В., кандидат филологических наук (Ростовский юридиче-
ский институт МВД России);

Каримова Т.С., кандидат педагогических наук, доцент (Восточно-
Сибирский институт МВД России).

В монографии охарактеризованы смысловые координаты правовой ком-
муникации; описан юридический дискурс и его лексико-семантические, стили-
стические и грамматические параметры, рассмотрены условия функционирова-
ния официально-делового стиля в профессиональной деятельности сотрудни-
ков полиции.

Монография предназначена для профессорско-преподавательского соста-
ва, адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций системы
МВД России.

УДК 811.161.1
ББК 81.2 Рус.

ISBN 978-5-91776-535-8

© Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Раздел 1. Правовая коммуникация: теоретический аспект	5
1.1. Смысловые координаты правовой коммуникации	5
1.2. Параметры правовой коммуникации	8
Раздел 2. Правовая коммуникация: лингвопрагматический аспект	13
2.1. Юридический дискурс как система правовой коммуникации ...	13
2.2. Юридический текст в коммуникативно-прагматическом аспекте	18
2.3. Лексическая и грамматическая организация правовой коммуникации	20
2.3.1. Лексико-семантическая организация правового текста ...	20
2.3.2. Грамматическая организация правового текста	29
2.3.3. Текстовая деятельность сотрудников полиции	38
Заключение	41
Библиографический список	43

ВВЕДЕНИЕ

В процессе дискурсивной деятельности сотрудники полиции осуществляют вербализацию правовой деятельности и правовых отношений, поэтому возникает необходимость научного изучения правовой коммуникации как процесса, связанного с передачей юридической информации. Проблема эффективного речевого общения особенно актуальна в правовой коммуникации, поскольку ситуации, которые могут быть предметом правовых отношений, например, определение взаимных прав и обязанностей, обвинение в совершении преступления и т.д. Основу правовой коммуникации составляет юридический дискурс. В этой связи представляется актуальным описание юридического дискурса и установление его основных лексико-семантических и грамматических параметров в рамках коммуникативно-прагматического и дискурсивного контент-анализа.

Монография посвящена характеристике правовой коммуникации и ее комплексному анализу (лексическому, морфологическому, синтаксическому, парадигматическому, концептуальному, дискурсивному), а также выявлению лексико-семантических и грамматических особенностей юридического дискурса как основной формы реализации правовой коммуникации.

Необходимость комплексной характеристики правовой коммуникации продиктована практическими требованиями профессиональной деятельности органов внутренних дел.

Весь материал монографии нацелен на более эффективное формирование следующих компетенций:

способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах) (УК-4);

способность применять основные общеправовые понятия и категории, анализировать и толковать нормы права, давать юридическую оценку фактам и обстоятельствам (ОПК-3);

способность составлять процессуальные и служебные документы в контексте своей профессиональной деятельности (ОПК-4);

способность грамотно использовать в своей деятельности профессиональную лексику (ПК-18).

Монография может быть использована в научно-исследовательской деятельности в процессе подготовки различных видов научных работ, посвященных изучению лексико-грамматических особенностей юридического текста, а также в образовательном процессе образовательных организаций системы МВД России при изучении учебных дисциплин «Русский язык в профессиональной служебной деятельности», «Русский язык в деловой документации. Культура речи», «Риторика», «Иностранный язык», «Профессиональная этика и служебный этикет» и в деятельности территориальных органов внутренних дел.

РАЗДЕЛ 1.

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1.1. Смысловые координаты правовой коммуникации

Важность изучения российской правовой системы с точки зрения воздействия/взаимодействия субъектов при помощи языковых средств весьма актуальна. В трудах отечественных и зарубежных юрислингвистов, которые занимаются разработкой идей функционирования языка в юридических сферах, обосновано, что право невозможно вне социальной коммуникации; условием правогенеза является не возникновение государства, а формирование психосоциокультурных реалий, имеющих коммуникативную направленность, в которых находят свою объективацию правовые тексты, правовые нормы и правовые отношения, порождаемые intersubъективной (коммуникативной) деятельностью членов социума [1, с. 9]. Опираясь на данное положение Полякова А.В., в последнее время все чаще как в рамках общей теории государства и права, так и отраслевых юридических наук внимание ученых-правоведов обращено к проблемам правовой коммуникации. Это также отмечают авторы статьи «Правовая коммуникация в современной правовой системе», подчеркивая, что «теория правовой коммуникации обладает большим научным инновационным потенциалом, который нельзя не заметить при развитии общей теории права, применимой к любым правовым системам» [2, с. 64].

«Понятие «правовая коммуникация» сегодня целесообразно рассматривать в контексте требований, предъявляемых к современному обществу, что в значительной мере связано с особенностями сложного многофакторного и многоаспектного процесса коммуникации в целом, который представляет собой взаимодействие субъектов с их целевыми установками, выбором содержания и способов осуществления совместной деятельности. В связи с этим правовая коммуникация на протяжении последних десятилетий остается в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей и является предметом научных дискуссий» [3, с. 169].

Коммуникативное понимание – один из аспектов раскрытия феномена сущности права. Особый интерес к вопросам правовой коммуникации обусловлен целым рядом факторов.

И, в первую очередь, связан с тем, что коммуникация как концепция сущности права и методология для отраслевых исследований является той парадигмой правового мышления, которая отражает тенденции развития современного государства и общества [4, с. 319]. Следовательно, изучение и описание на общетеоретическом, а также практическом уровне специфики правовой коммуникации в настоящее время является актуальным аспектом при рассмотрении в целом российской правовой системы, так как «правовая коммуникация является органично встроенной в сложноорганизованный механизм правового воздей-

ствия, а его взаимосвязанные элементы, в которых главное место занимает человек как преобразователь социально-правовой действительности, обеспечивают бесперебойное функционирование этого значимого механизма» [5, с. 229].

В связи с этим правовая коммуникация на протяжении последних десятилетий остается в фокусе внимания отечественных исследователей и является предметом научных дискуссий.

Аналізу понятия правовой коммуникации и ее сущностной стороны посвящены работы российских и зарубежных исследователей: Айвазян О.О., Антонова М.В., Архипова С.И., Громицариса А., Денисенко В.В., Дорской А.А., Кравица В., Кукушкиной А.А., Лушников П.В., Палехи Р.Р., Парфенова А.А., Полякова А.В., Романовой Е.А., Усмановой Е.Ф., Федделера К., Храмцовой Н.Г., Честнова И.Л. и др.

С целью более подробного рассмотрения правовой коммуникации приведем различные определения понятия правовой коммуникации. Так, Поляков А.В. определяет правовую коммуникацию в рамках коммуникационного подхода как «правовое взаимодействие между субъектами, возникающее на основе социальной интерпретации правовых текстов как предоставляющих им коррелятивные правомочия и правообязанности, реализуемые в правовом поведении» [1, с. 9–10].

Архипов С.И. подчеркивает, что «правовая коммуникация – это не простое общение, обмен мыслями, сведениями, идеями, а особая форма социального взаимодействия, отличающаяся от других его форм всеобщим характером, тем, что она охватывает всех без исключения индивидов, а также производных от них социально-правовых субъектов. На этом основании ее нельзя ставить в один ряд с коммуникацией моральной, религиозной, научной и т. д. Кроме того, она есть деятельность по формированию общества как такового, то есть социо-учреждающая деятельность» [6, с. 7].

Усманова Е.Ф. указывает, что правовая коммуникация – это «деятельность субъектов права, направленная на получение новых сведений (информации), которые выражаются в знаковой форме, используемой для осуществления правовой коммуникации» [7, с. 88].

Романова Е.А., подробно анализируя правовую коммуникацию, отмечает, что это «нормативно установленная последовательность действий субъектов», то есть «основанный на юридических нормах порядок взаимодействия субъектов, связанный с обменом информацией, направленный на удовлетворение их законных интересов и потребностей» [8, с. 18].

«Правовая коммуникация в первую очередь связана с правотворчеством, – считает Лушников П.В. и полагает, – что взаимосвязь ее активных участников, осуществляемая на основе правовых текстов, хотя и является наиболее существенной, но не является единственной, поэтому категории «правовая коммуникация» и «правоотношение» не являются сходными. Это разные феномены, хотя и имеющие точки пересечения. В основе правоотношения могут быть правовые коммуникации, но правовая коммуникация может осуществляться и за рамками правоотношения» [9, с. 372].

Константинова А.В. утверждает, что ценность права как коммуникативного средства состоит в его направленности на формирование правовых отношений, которые предполагают наличие взаимных прав и обязанностей у их участников. Таким образом, правовая коммуникация представляет собой не только обмен информацией, но и организацию реального взаимодействия между субъектами права [10, с. 18].

Романенко Е.А., рассматривая правовую коммуникацию как феномен права и общения, предлагает следующее определение: «специфическое средство общения и взаимодействия, в процессе которого происходит систематическое распространение (передача) информации о правилах поведения (правовых нормах), обеспеченных принудительной силой органов государственной власти, с целью упорядочивания (регулирования) поведения субъектов права» [11, с. 150].

Честнов И.Л. справедливо обращает наше внимание на то, что содержанием юридической коммуникации выступает диалог как принятие точки зрения социально значимого Другого. Диалог как основание социальности (и права) – это, во-первых, внутреннее принятие Другого как экспектация (ожидание) поведения от носителя статуса Другого, подчеркивая эмпатию ситуации: согласование личностной интенции с оценкой ситуации – с ожиданием поведения социально значимого Другого типичным («нормальным») образом [12, с. 55].

Эффективность правовой коммуникации напрямую связана с качественной организацией процесса общения, то есть в процессе обмена правовой информацией важен как содержательный процесс взаимодействия, влияние субъектов коммуникации друг на друга, а также другие факторы. В основе такого общения находится в том числе и правовой текст, который представляет собой систему знаков (знаковый комплекс), интерпретация которых создает определенный правовой смысл (правовое означаемое), направленный на регулирование поведения субъектов путем определения их правомочий и правообязанностей. Правовой текст опосредует правовую коммуникацию [1; 9].

Следует отметить, что Парфенов А.А. предполагает, что органичным продолжением коммуникативной теории права Полякова А.В. [1; 13; 14] и культуральных исследований права Честнова И.Л. [12] будет понятие правовой коммуникативной компетенции, и определяет ее, как «систему знаний, позволяющих кому-либо эффективно использовать язык для понимания и формулирования правовых текстов, а также умение фактически использовать данную систему знаний для правовой коммуникации» [15, с. 10].

Следует отметить, что в последнее время правовая коммуникация рассматривается как функциональный элемент юридической системы общества, обеспечивающий взаимосвязь между другими ее компонентами. Но в то же время правовая коммуникация выступает и как процесс, как непосредственная деятельность акторов по производству и распространению правовой информации, направленная на формирование (стабилизацию или изменение) образа мыслей и действий других социальных субъектов.

1.2. Параметры правовой коммуникации

Основными элементами содержания правовой коммуникации являются: ее целевое назначение; правовые принципы; объект; субъекты, реализующие свои законные интересы и потребности; соответствующая нормативная база; юридическая информация; правовые тексты; совокупность средств, приемов и способов коммуникации; обратная связь. Элементы правовой коммуникации создают устойчивые связи, обеспечивая тем самым целостность, сохраняя ее даже под влиянием внешних факторов. Вместе с тем для осуществления успешной правовой коммуникации необходимо предвидеть результаты воздействия/взаимодействия, а также учитывать различные «эффекты», возникающие в процессе.

Правовая коммуникация считается санкционированной деятельностью. «Специфические процессуальные формы, правовые процедуры, закрепленные в источниках права, соответствующие задачам и целям юридической коммуникации, осуществляются с помощью правовых средств (средств-деяний и средств-установлений), имеющих как императивный, так и диспозитивный характер», – отмечает Романова Е.А. [8, с. 18–19].

Как одна из основных форм социального взаимодействия правовая коммуникация обладает рядом специфических признаков. В обобщенном виде система правовой коммуникации включает следующие элементы (см. рис. 1).

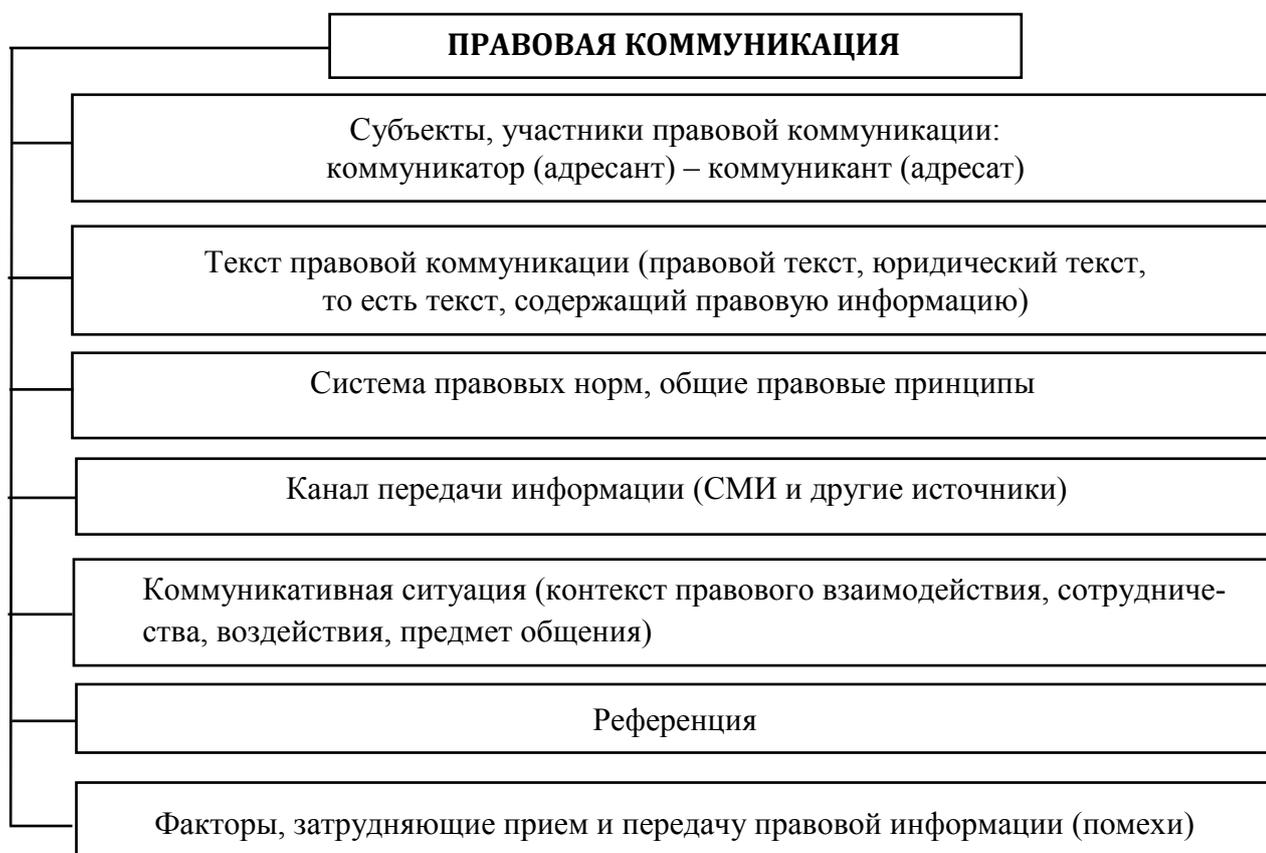

Рисунок 1. Структура правовой коммуникации

Очевидно, что правовая коммуникация является достаточно сложной системой и не сводится к наличию структурных элементов. Данный процесс представляет собой сложное взаимодействие. Коммуниканты, независимые друг от друга лица, имеющие права и обязанности, вступают в правовую коммуникацию, обмениваясь правовой информацией; решая различные задачи, отстаивая свои права и т.д. на основе общих правовых принципов, установленных правовых норм, соблюдая закрепленный юридически порядок (юридические процедуры) [16, с. 17–18]. При этом важным свойством является идентичность понимания правовой информации субъектами правовой коммуникации.

Правовая коммуникация предполагает, что в процессе взаимодействия устанавливается и поддерживается контакт между участниками коммуникативного акта (отправителями информации и воспринимающими эту информацию) с целью достижения целей. Приближение и достижение коммуникативной цели с помощью различных (в том числе речевых) средств в процессе взаимодействия двух субъектов возможно при согласованной, слаженной деятельности: речевой – одного субъекта и реакции на нее другого субъекта. Следует подчеркнуть важную роль такого элемента, как контакт, который в акте правовой коммуникации носит опосредованный характер. Адресат получает сообщение не непосредственно от адресанта, а через средства массовой информации: правовые акты подлежат обязательному опубликованию, кроме случаев, когда эти документы содержат сведения, составляющие государственную тайну, или имеют конфиденциальный характер.

В упрощенном виде модель процесса коммуникации можно представить следующим образом (см. рис. 2).

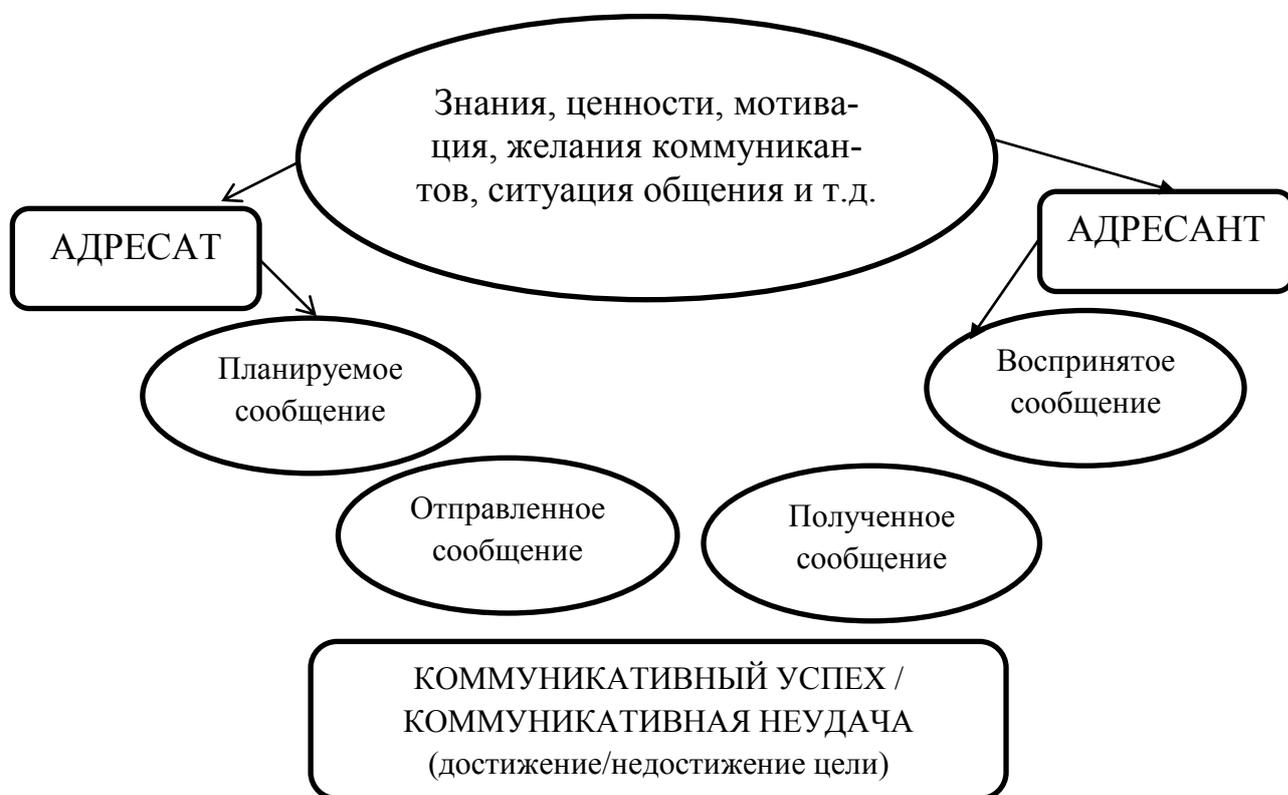

Рисунок 2. Модель процесса коммуникации

Правовая коммуникация предусматривает установление определенной цели, которая достигается в том числе и установлением взаимовыгодных отношений между социальными группами государства, индивидуальными личностями. В целом, схематично виды правовых отношений, правового взаимодействия и представленность результатов и формы правовой информации можно отразить в следующем виде (см. рис. 3, 4, 5, 6).

Рисунок 3. Виды правовых взаимоотношений

Рисунок 4. Виды правового взаимодействия

Рисунок 5. Формы правовой информации

Рисунок 6. Виды правовой информации

Выполнение различных функций – вот основная роль правовой коммуникации в сфере права. В целом, основные функции – это, во-первых, усиление или ослабление существующего уровня правового общения, то есть влияние на доминирующие или формирующиеся взгляды; во-вторых, изменение правового общения, тот есть кардинальная смена взглядов субъектов правовой коммуникации; в-третьих, формирование уровней правового общения, при этом обеспечение влияния на сознание и правовое общение с целью создания «положительной» установки, отвечающей социальным нормам и гармонирующей с ценностями, признаваемыми в той или иной социальной группе, при этом устранение негативных последствий (отрицание права, безразличие к праву, неуважение закона). Основные функции, реализуемые правовой коммуникацией, представлены на рисунке 7.

Рисунок 7. Функции правовой коммуникации

Изучение разнообразных аспектов правового общения является актуальным, так как «правовая коммуникация общества и государства является, с одной стороны, условием недопущения кризисных явлений в праве, а с другой – способом их преодоления» [17, с. 127]. А «применение знаний теории коммуникации и правовой герменевтики могут дать новое представление о взаимодействии участников правовой коммуникации, повысить эффективность правового воздействия, снизить затраты на воплощение в жизнь правовых предписаний» [9, с. 376].

РАЗДЕЛ II. ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

2.1. Юридический дискурс как система правовой коммуникации

Проблема эффективного речевого общения особенно актуальна в правовой коммуникации, поскольку ситуации, которые могут быть предметом правовых отношений, например, определение взаимных прав и обязанностей, обвинение в совершении преступления и т.д.

Поэтому основу правовой коммуникации составляет юридический дискурс. В этой связи представляется актуальным описание юридического дискурса и установление его основных лексико-семантических и грамматических параметров в рамках коммуникативно-прагматического и дискурсивного контент-анализа.

Дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, он описывается в социолингвистическом, прагмалингвистическом, лингвосемантическом аспекте, рассматривается с разных позиций, например, с точки зрения дисциплинарной принадлежности, наличия категориально-семантических границ, особенностей функционирования, характеризуется полисемантической и полифункциональностью и связывается с разнообразными аспектами речевой деятельности человека, поэтому четкого и общепризнанного определения термина «дискурс» не сложилось.

Большинство исследований, посвященных дискурсу, по мнению Карасика В.И. [18, с. 20], основываются на следующих положениях, представленных на рисунке 8.

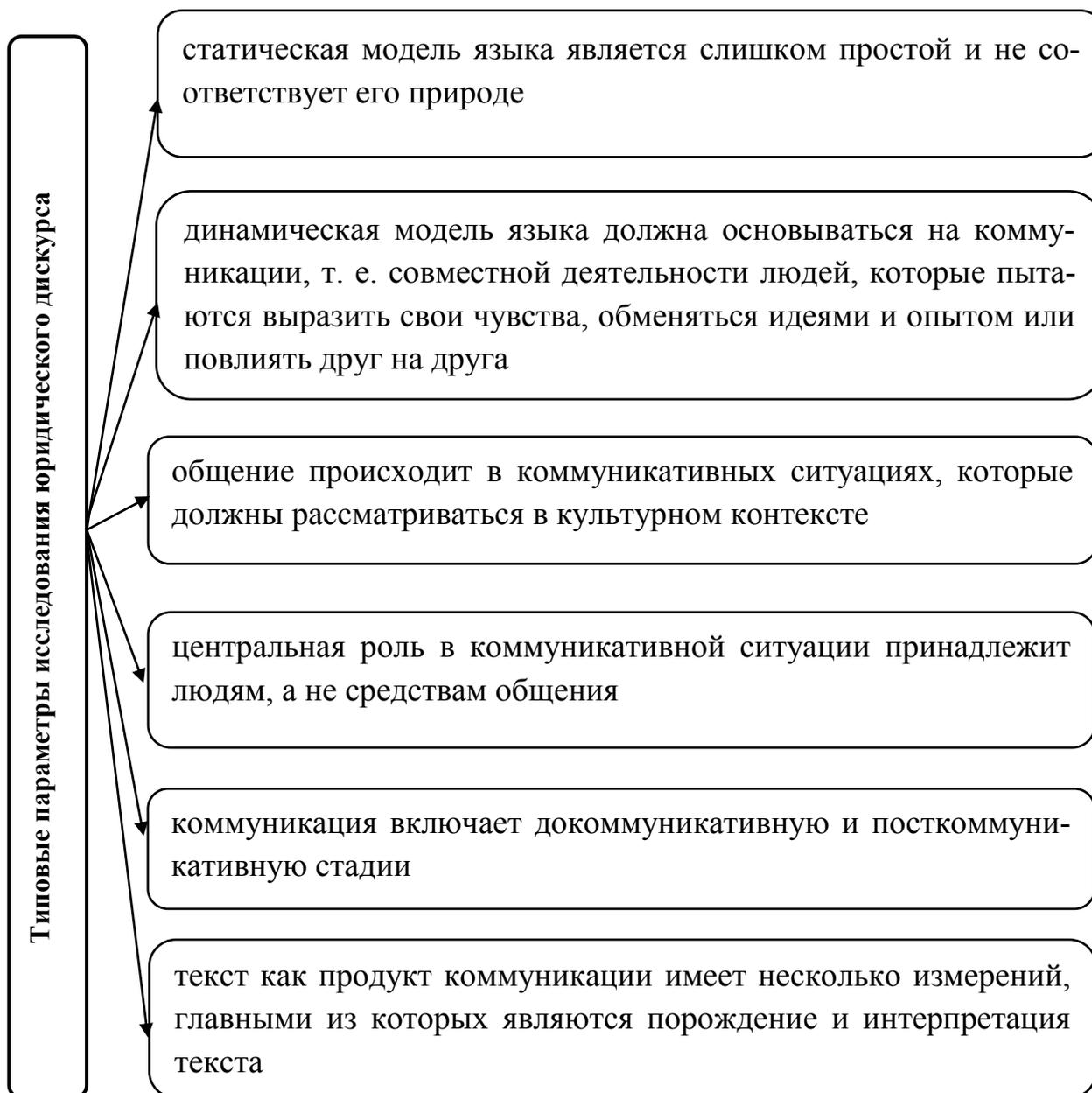

Рисунок 8. Типовые параметры исследования юридического дискурса

Базовым конструктом юридического дискурса является институциональное общение во внеязыковой действительности, поскольку «коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей» [18, с. 29]. «В силу своей специфики юридический дискурс представляет собой устойчивую разновидность институционального дискурса, который «лимитирует» коммуникативные стратегии его участников» [19, с. 64]. Институциональный характер юридического дискурса подчеркивается в работах Карасика В.И., Поповой Л.Е., Зайцевой В.В., Палашевской И.В., Наумовой А.П., Косоноговой О.В., Богатырева А.В., Борисовой Л.А., Чернышева А.В., Хомутовой Т.Н, Шефер Е.А., Голева Н.Д. и др. Поэтому большинство существующих трактовок юридического дискурса семантически ограничены.

Юридический дискурс в современной научной парадигме понимается:

✓ как «регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующая и воспроизводящая деятельность, направленная на формулирование норм, правовое закрепление (легитимацию), регулирование и контроль общественных отношений» [20, с. 131];

✓ как «особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих различные формы общения, в которых субъект / объект, адреса / адресант речи (или одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции» [21, с. 189];

✓ как «языковая деятельность (речь), которой присущи следующие характеристики: а) сфера ее функционирования – область права (юридический дискурс с необходимостью прослеживается везде, где обсуждаются и решаются правовые вопросы); б) тема и ведущий мотив юридического дискурса содержание закона и соответствие закону того или иного рассматриваемого события; в) коммуникативная направленность юридического дискурса – регулирование общественных отношений; г) общая когнитивная специфика юридического дискурса – примат фактов над ценностями» [22; 25];

✓ как текст, функционирующий в пределах правовой коммуникации [23], включая всю совокупность текстов законов [24; 25];

✓ как основная коммуникативная единица общения представителей правового общества [26];

✓ как основа юридической лингвистики [27];

✓ как «форма проявления языка, которая используется для выражения особой ментальности» [28].

Системообразующим признаком юридического дискурса является «статусная, представительская функция человека», поэтому он организуется в соответствии с определенными стандартами, так как институциональная коммуникация «есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [18, с. 29].

«Конститутивным признаком юридического дискурса как особого типа институционального общения является выполнение социальной потребности общества организовывать свои социальные связи, упорядочивать их, регулировать и управлять ими» [29, с. 535].

Таким образом, юридический дискурс как разновидность институционального дискурса представляет собой статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения. Юридический дискурс «не описывает события, факты, научные понятия, чувства и переживания людей, не характеризует отношения к определенным лицам, явлениям действительности. Он не доказывает, не объясняет, не убеждает, а властью предписывает субъектам права определенное поведение, формулирует требования, общеобязательные предписания» [30, с. 18].

Как целеустремленному речевому действию юридическому дискурсу присущи следующие признаки: он институционален; осуществляется в нормативной ситуации, санкционируем; используется в стандартных ситуациях; статусно ориентирован; имеет определенную целевую установку; связан с исполнением строго регламентированных действий. Юридический дискурс характеризуется целостностью, логической завершенностью, директивностью и официальностью.

Юридический дискурс является главным инструментом правоохранительной деятельности, т.к. его основная цель передавать и получать конкретную информацию, связанную с правовыми отношениями.

Косоногова О. В. считает, что юридический дискурс идентифицируется по следующим основаниям: 1) статусно-ролевые характеристики участников общения; 2) цель общения; 3) прототипное место общения [19, с. 63].

Юридический дискурс характеризуется специфическими структурными, семантическими, коммуникативно-прагматическими особенностями, что определяется особым назначением права – быть регулятором общественных отношений, т.е. «регламентировать поведение адресатов посредством предписаний. Деятельность по предписанию осуществляется как указание на юридическую ответственность, наступающую при определенных обстоятельствах и условиях (например, в кодексах), или как установление порядка и способа выполнения действия (например, в конституции или международных договорах), или требование выполнения тем или иным должностным лицом необходимых действий (например, в приказах)» [31, с. 51].

Юридический дискурс является основной коммуникативной единицей общения сотрудников полиции в служебной деятельности. Представим на рисунке 9 типологию юридического дискурса, составленную на основе научных исследований [32, с. 3832].

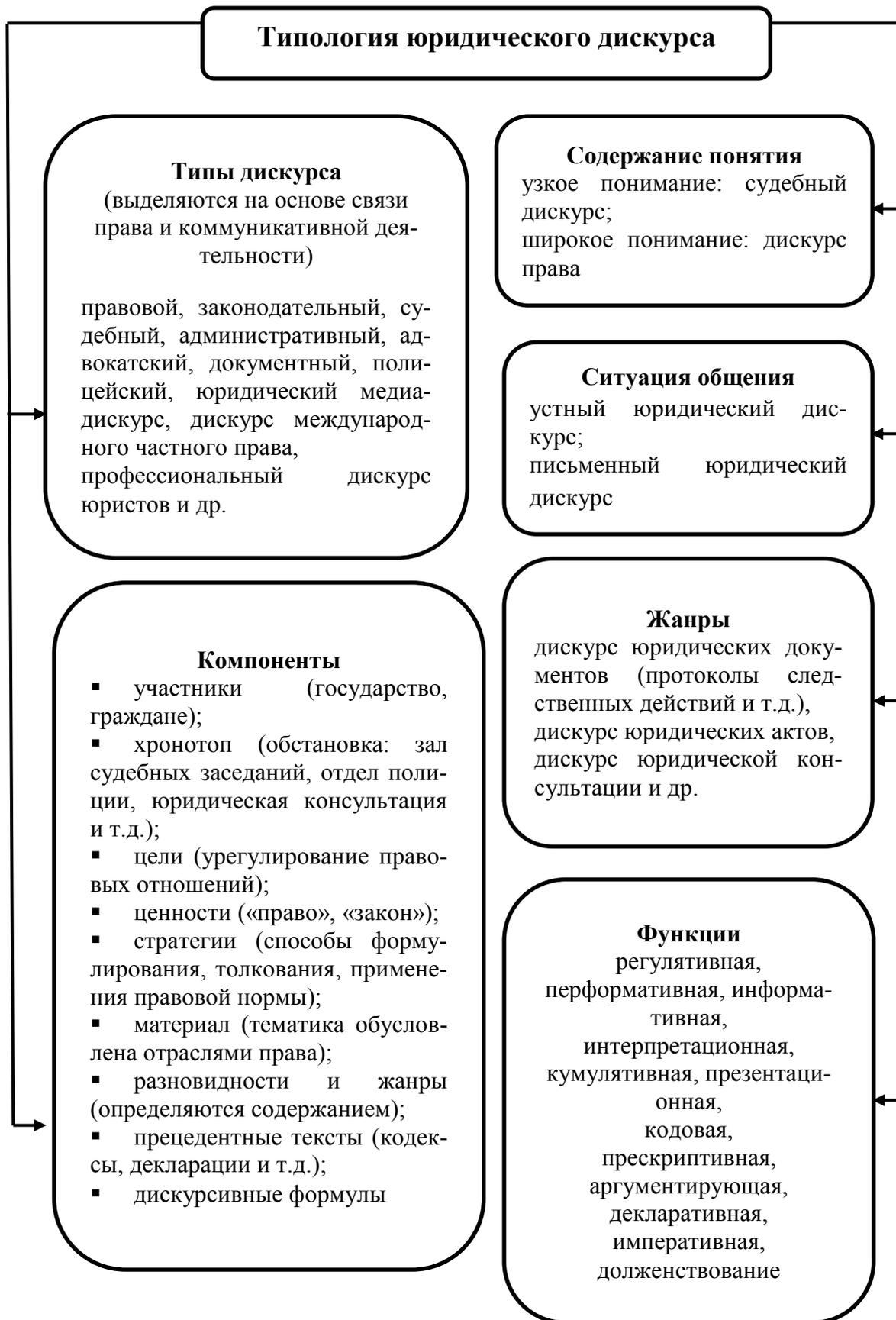

Рисунок 9. Типология юридического дискурса

2.2. Юридический текст в коммуникативно-прагматическом аспекте

Основой юридического дискурса является правовой текст, определяемый:

- как «знаковый феномен, система созданных культурой знаков» [33, с. 78];
- как «любое правовое явление» [33, с. 58];
- как текст, содержащий правовую информацию [35];
- как «сообщение, содержащее правовую информацию, объективированное в виде официального письменного документа, имеющее модальный характер и прагматическую установку, и состоящее из определенных единств, которые включают в себя разные типы лексической, грамматической и логической связи» [36, с. 7].

Информационным средством юридического взаимодействия выступают правовые тексты, обладающие логическим, грамматическим, лексическим началами, определенным образом структурированные, выявляющие связь правовой коммуникации с правовыми отношениями. Храмова Н.Г. подчеркивает, что специфическим признаком системы правовой коммуникации являются именно юридические связи, которые выражаются в языковом оформлении [37]. Исследования правовой коммуникации продолжаются, в том числе и в контексте изучения языка как средства правовой коммуникации. Языковой компонент представляется неким проявлением человеческого сознания в современном обществе, который также соединяет обыденность с законодательно закрепленными нормами и правилами государственного устройств [38, с. 78].

Классификация юридических текстов достаточно разнообразна, а значительное количество выделяемых типов юридических текстов не позволяет уделить в одной работе должного внимания каждому виду. В качестве примера остановимся на особенностях законодательных документов.

Юридический текст, в основе которого лежит язык закона, специфичен, что обусловлено прежде всего тем, что он обращен не только к профессионалам в данной области, но и к различным категориям населения. Для специалиста это должно быть точное, терминологически верное сообщение, а для гражданина – доступное, ясное и понятное сообщение. Этим и объясняются лингвостилистические особенности юридических текстов.

Важным является и то, что юридический текст выступает единицей речевой, коммуникативной системы, имеющей специфические прагматические и функциональные черты. Любой текст, в том числе, и юридический, характеризуется многомерностью и многоаспектностью. Текст права отличается своеобразием, предопределенным во многом спецификой сферы общения, в которой он функционирует. Своеобразие юридического текста состоит в преобладании в его смысловой структуре волеизъявления. Именно такое соотношение позволяет юридическим текстам выполнять основную функцию языка в этой сфере общения – функцию долженствования. Юридический текст – это целостное речевое произведение, в связи с этим при анализе в культурно-речевом аспекте следует учитывать как экстралингвистические, так и лингвистические особенности текста. Текст права как продукт коммуникативно-речевой деятельности представляет собой сложное структурно-семантическое единство. Объектив-

ность, отсутствие эмоциональной окраски, связность, последовательность, точность, ясность и простота изложения материала, то есть совокупность экстралингвистических факторов определяет принципы организации смысловой структуры текста, степень ее информативности, характер конструктивных единиц, стилевую специфику текста, языковые особенности.

Юридический текст содержит правовую информацию, исходящую от государства и представляющую собой отражение правового регулирования общественных отношений, а также упорядочение поведения граждан. В связи с тем, что юридический текст имеет особую функцию (регулирование, долженствование), необходима особая форма передачи данной информации, то есть особые языковые средства. Важно подчеркнуть, что при составлении юридического текста «не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке» [39].

Хазова О.А. подчеркивает, что «юридическое письмо обладает спецификой, и при работе над юридическим текстом требуется соблюдение специальных правил, которые позволят создать качественный документ» [40, с. 11]. Безусловно, юридические тексты подчиняются текстовой норме, то есть отвечают требованиям структурирования совокупности языковых единиц в соответствии с речевой ситуацией в целях обеспечения максимального эффекта общения. Язык законодательных актов отличается с точки зрения содержания в плане языкового оформления тщательным отбором речевых средств. Некоторые лексико-грамматические особенности правового текста рассмотрим в следующих разделах.

Как показывает проделанный нами анализ фактического материала, точность, объективность, директивный способ подачи информации достигается также за счет преобладания глаголов настоящего времени (*занимать определенные должности, превышать, не подлежит* и т.п.), пассивных конструкций (*наказываются, освобождается, не может учитываться, признаются, может быть назначено, судом установлены* и т.п.), большого количества причастий и причастных оборотов (*деяния, совершенные группой лиц; действия, выражающие явное неуважение; судья, назначающий наказание; обстоятельство, связанных с целями* и т.п.).

Для законодательной разновидности официально-делового стиля характерна четкая текстовая форма, особые графические выделения значимых компонентов, жесткая кодификация правил построения текста и использования языковых средств.

Таким образом, чтобы каждый субъект права знал и понимал свои права и обязанности, осознавал, как во время процесса был применен закон к его конкретному случаю, язык юридического документа должен в целом отвечать определенным условиям: быть достоверным, точным, ясным, доступным, что достигается различными языковыми средствами на всех уровнях языка.

«Юридическая речь – сложное функционально-стилевое образование, для которого важны и монолог, и диалог, и полилог; одинаково значимы и устная, и письменная формы речи; принципиально необходимо соответствие нормам литературного языка и использование ресурсов различных стилей речи» [41, с. 102]. Языковые пласты, используемые в профессиональной коммуникации, характеризуются разнородностью по своему составу: терминология, специальная лексика, профессионализмы, разговорная лексика и т.д.

Юридический текст, имеющий специфические прагматические и функциональные черты, выступает единицей речевой, коммуникативной системы и характеризуется многомерностью и многоаспектностью. Специфичность юридического текста определена, во-первых, особой функцией права (воздействие, регулирование, долженствование), во-вторых, обращением не только к профессионалам в данной области, но и к различным категориям населения (рассчитан на широкий круг адресатов) и требует соответствующего языкового воплощения.

Таким образом, юридический текст – это сообщение, которое содержит правовую информацию, имеет форму официального письменного документа, а также модальный характер и прагматическую установку, подчиняется текстовой норме, то есть отвечает требованиям структурирования совокупности языковых единиц в соответствии с речевой ситуацией в целях обеспечения желаемого коммуникативного эффекта.

2.3. Лексическая и грамматическая организация правовой коммуникации

2.3.1. Лексико-семантическая организация правового текста

Коммуникативно-прагматический смысл юридического дискурса реализуется на структурно-семантическом, содержательно-тематическом и языковом уровнях высказывания. Лексические единицы языка, наряду с грамматическими – это необходимый строительный материал, с помощью которого осуществляется речевая деятельность, поэтому лексика является важным структурно-семантическим компонентом юридического дискурса, на ее базе строится весь тезаурус внешней и внутренней институциональной коммуникации, определяются установки, стандарты, нормы в определенном виде деятельности. Лексические средства, являясь вербальными формулами трактовки сущностей права, занимают особое место в юридическом тексте и специфически отражают значимые элементы юридической деятельности. Рассмотрим лексический аспект юридического дискурса.

Лексико-семантическая организация правовой коммуникации связана с реализацией формальной, содержательной и языковой направленности высказывания адресату в определенной ситуации общения.

Так, Голев Н.Д., Иркова А.В., анализируя лексический состав текста закона с учетом «степени юридизированности значения лексемы», в качестве основных выделяют следующие разряды лексем: околоюридические (*сведения, информация, достоинство, здоровье*), предтерминологические (*гражданин, угроза, нецензурная брань*), собственно юридические (*вменение, лишение свободы*); юридизированные собственные имена (*Федеральный закон, Семейный кодекс*) [44, с. 23].

Содержание значительной группы объектов юридического дискурса основывается на абстрактных представлениях, обозначающих отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния, они позволяют «обобщать и отождествлять объекты, идеализировать их, фиксировать их существенные свойства, а также определять их потенциальную осуществимость» [43, с. 56]. Абстрактные слова обозначают отвлеченные понятия (*зависть, неприязнь, страх, опасение, ревность*), признаки (чистота), состояние (*спокойствие, отчаяние*), действия (*возбуждение, увлечение*).

Абстрактные понятия юридического дискурса не всегда имеют однозначное содержание и чаще имеют условный, общепринятый, соответствующий традициям характер (например, *право, доказательство, истина, клевета, правосудие, закон, справедливость, достоинство, вина, нарушение, честь, наказание* и др.). Абстрактные лексические единицы формируют не только обобщающий характер правового текста, но и подчеркивают абсолютное и универсальное распространение закона: *каждый, все, никто, во всех случаях, любой, всякий, везде*. [20]. Например: *В результате схода 15 порожних вагонов грузового состава из 53 вагонов, следовавшего сообщением «Нижний Бестях – Алдан», никто не пострадал, имеется повреждение путей.*

Ключевым, наиболее информативным элементом всего корпуса пространства правовой коммуникации является терминология. Термин – это базовый конструкт юридического дискурса, поскольку он создает основной смысловой фундамент.

Юридические термины – это обобщенные наименования юридических понятий. С помощью терминов достигается точное и ясное формулирование правовых предписаний, обуславливается максимальная лаконичность текста, а вместе с тем однозначность и доступность его восприятия.

Терминология является отражением реалий действительности. В отношении терминологии можно сделать некоторые наблюдения: в области права терминологизации частотно подвергается лексика общеупотребительного языка (*защитник, жертва, обвинение, жалоба, вещи, собственность, владение*); функционирует как юридическая терминология, так и из той области, которую регулирует закон (*химическое соединение, порошок*); преобладают составные термины (*нравственные страдания*); используются иностранные термины (*эксцесс, амнистия, экоцид*).

Юридический дискурс характеризуется полифункциональностью и политематичностью, поэтому значительная часть лексики представлена межнаучной терминологией (политической, финансово-экономической, социально-психологической, военной и др.), являющейся интегрирующим элементом не-

скольких областей знаний. Очевидно, что в юридическом дискурсе высок и удельный вес специальной, собственно юридической, терминологии: *добросовестное заблуждение, противоправные деяние, оттиск следа* и т.п.

Каждый юридический термин в правовой коммуникации выполняет определенную функцию, направленную на наиболее точное выражение соответствующего понятия. «Однозначность, константность использования, экспрессивная нейтральность – эти и свойства терминологии позволяют закрепить за объектами юридического дискурса определенные толкования и представления, избегая, таким образом, нежелательных интерпретаций и строго обозначая область, содержание и характер действия права» [44, с. 21]. Например, *В тех случаях, когда имеются основания для в vindикации, реституции, договорного деликтного и иного иска специального характера, имущество подлежит требованию посредством такого иска, при этом нормы главы 60 Гражданского кодекса Российской Федерации применяется лишь subsidiarily.*

Отметим, что составные термины (оценочные понятия, языковые стандарты, клише) преобладают в правовой коммуникации, например, *безвестно отсутствующий, принятие к своему производству, более мягкое наказание, более строго наказание, наказание ниже низшего предела, возмещение вреда, умышленные противоправные действия, коростные побуждения, предварительный сговор.*

Некоторые термины могут вступать в синонимические семантические отношения: *процесс – действие, криминальный – уголовный – преступный, вердикт – решение, вред здоровью – травма – телесные повреждения.*

Лексические единицы терминологического характера в юридическом дискурсе представляют собой своеобразную закрытую систему, не имеющую аналогов (*алиби, презумпция, легитимность*). Иногда юридические номинанты имеют неспециальное значение в обыденном языке (*жалоба, грабеж, жертва, вред, риск*). В подобных ситуациях, как считает Федулова М.Н., «язык юридического дискурса занимает доминантную позицию по отношению к языку бытового дискурса: только официально-закрепленная трактовка юридических терминов представляется правильной, в то время как обыденная интерпретация априори номинируется как неверная» [44, с. 21].

Юридическая терминология является маркером эталонного или девиантного поведения, тем самым обеспечивая однозначную интерпретацию содержания текста. В связи с этим Кожемякин Е.А. отмечает «специфичную парадоксальность юридических текстов, с одной стороны, ориентированных на предельно точное формулирование и описание правовых феноменов и, с другой стороны, предъявляющих достаточно высокие требования к интерпретации и пониманию их содержания» [20].

«Стереотипизация правовых понятий предполагает процесс обобщения и схематизации преобладающих в том или ином обществе образов и оценок, связанных с неким понятием, относящимся к области права. Правовое понятие фиксирует при помощи единиц естественного языка определенное знание о стереотипных событиях и ситуациях в сфере правоотношений. Можно сказать, что правовое понятие «кодирует» в себе некое количество релевантной для данной

область знаний информации и является сжатой заменой развернутого описания, определения или даже целого нормативного документа» [45, с. 11–12].

Общение в правовой сфере регламентировано, осуществляется по установленным образцам, поэтому речевой стандарт становится здесь обязательными и даже целесообразными и оправданными. В юридическом дискурсе устойчивые обороты (клише), отражают процесс его стандартизации, являются вербальными формулами трактовки сущностей права, занимают особое место в тексте и специфически отражают значимые элементы юридической деятельности (называют действия, точно квалифицируют те или иные явления, выражают оценку), они являются официальными наименованиями, а их использование становится обязательными. С помощью устойчивых оборотов объективируется профессионально значимая информация: *административное наказание, уголовная ответственность, совершить кражу, принять меры, законный представитель, должностное лицо, сфера применения, имущественные вред, место преступления, презумпция невиновности, инкриминируемое деяние*. Такие выражения становятся универсальным средством выражения в юридическом дискурсе:

В действиях Рябова А.Е. имеются признаки преступления... .

Прошу принять меры к возвращению телефона Семакову И.И. Допустить Абросимова Г.Г. в качестве законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого Лаврикова С.С.

Сотрудниками полиции незамедлительно на территории региона и близлежащих областей были приняты меры к розыску подозреваемых.

В соответствии со ст. 30.1 КоАП РФ вынесенное должностным лицом постановление по делу об административном правонарушении... .

Суд в связи с установленными фактами вынес определение о возбуждении уголовного дела по признакам составов преступления, предусмотренных... .

Прибывшими полицейскими тело мужчины было обнаружено неподалеку от дома с признаками насильственной смерти.

Применение типичных, фиксированных (устойчивых) языковых средств с целью нормирования, регулирования и принуждения создает перформативную ориентированность юридического дискурса. Стандартные правовые ситуации, реализующие юридические дискурсные практики, предполагают устойчивость номинаций и выполняемых в их границах действий: *производство уголовного дела прекратить, произвести обыск*. Употребление терминологических устойчивых оборотов способствует достижению точности юридического языка.

Следует отметить, что в юридическом дискурсе устойчивые сочетания типа *совершить нападение, произвести арест, оказать содействие* и т.п. обычно не замещаются соответствующими глаголами *напасть, арестовать, содействовать*.

В юридическом дискурсе функционируют лишённые эмоциональной окраски разговорные слова, например, *пособник* (п. 5 ст. 33 УК РФ) [46], *попрошайничество, бродяжничество* (ст. 151 УК РФ) [46], *дедушка, бабушка* (ст. 67, 94 СК РФ [47], 89 УИК РФ) [48].

Лексические единицы имеют семантическую и стилистическую валентность, т.е. обладают способностью сочетаться с другими словами. Лексическая сочетаемость определяется «семантической системой языка» [49, с. 200].

В юридическом дискурсе словоупотребление характеризуется ограничением сочетаемости слов, например:

следственные действия, подобные действия, конкретные действия;
меры поощрения, меры наказания, меры пресечения;
движимое имущество, недвижимое имущество, наследственное имущество, конфисковать имущество;
корыстные побуждения;
применение насилия;
неопровержимое доказательство;
клеветнические сведения;
разумная достаточность.

По мнению Крысина Л. П., узус и социальные условия употребления являются обуславливающим фактором ограничения сочетаемости слов [50, с. 120–124]. *Доказательств существенных страданий, которые могли бы обусловить взыскание компенсации морального вреда в большей сумме, не приведено.*

Иногда словоупотребление приводит к диссонансу лексической сочетаемости, например:

обременять имущество, отчуждать имущество (ст. 209 ГК РФ) [51];
поворот исполнения решения суда (ст. 443 ГПК РФ) [52];
обращение отходов (Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об отходах производства и потребления») [53];
совершенное невиновно (ст. 28 УК РФ) [46];
надлежащая / ненадлежащая сторона (ст. 41 ГПК РФ) [52];
злонамеренное соглашение (ст. 179 ГК РФ) [51];
место отбывания лишения свободы (ст. 73 УИК РФ) [48];
разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ) [54].

В юридическом дискурсе функционируют различные лексические категории, к числу которых относятся синонимы, антонимы, паронимы, омонимы. Рассмотрим данные единицы подробнее.

В специальных исследованиях, посвященных антонимам, определено их понятие (Апресян Ю.Д., Ключева В.Н., Колесников Н.П., Лекомцев Ю.К. и др.). Антонимы понимаются как слова с противоположным значением, характеризующиеся наличием тождественного компонента. Например, Лекомцев Ю.К. выделяет два типа антонимов: перцептивный (материально ощутимый): «*вода, влага – взрыв, огонь*» и абстрактный: «*мир – война*») [55]. Юридический дискурс характеризуется частотным использованием антонимических комплексов, т.к. они опосредствуют противоположные интересы, права и обязанности:

вменяемый – невменяемый;
действие – бездействие;
алиби – улика;
купля – продажа;
виновная сторона – невиновная сторона;

алиби – улика;

возмездно – безвозмездно;

причинение легкого вреда здоровью – причинение тяжкого вреда здоровью.

Функции и содержание антонимических значений обусловлены их ролью организаторов семантического пространства текста. На основе антонимичных отношений, как правило, образуются термины:

купля – продажа;

движимое – недвижимое (имущество);

соответствует действительности – не соответствует действительности.

Антонимы называют различные семантические признаки одного и того же понятия в правовой коммуникации. Отметим, что в правовой коммуникации антонимы противопоставляют атрибут, в результате чего в отношении противопоставленности вступают не сочетания, а их компоненты:

виновный – невиновный;

виновная сторона – невиновная сторона;

оказание помощи – неоказание помощи;

потерпевший – подозреваемый;

определенный умысел – неопределенный умысел;

причастность к преступлению – непричастность к преступлению;

установленное лицо – не установленное лицо;

отягчающие обстоятельства – смягчающие обстоятельства.

В результате называются различные видовые признаки одного и того же понятия.

Антонимы в юридическом дискурсе «используются не в качестве противопоставления слов, семантические компоненты которых обозначают одну и ту же сущность, а как противопоставление смысловых содержаний слов, обозначающих две разные сущности не по одному, а по многим семантическим признакам» [56; 57; 58]. Например:

В п. 15 Обзора практики Конституционного суда Российской Федерации за третий – четвертый кварталы 2013 года (утв. Решением Конституционного Суда Российской Федерации от 04.02.2014) разъяснено, что положения ст. 1064 ГК РФ предполагают возможность полного либо частичного возмещения частным обвинителем вреда в зависимости от фактических обстоятельств дела, свидетельствующих о добросовестном заблуждении или же, напротив, о злонамеренности, имевшей место в его действиях, а также с учетом требований разумной достаточности и справедливости.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на

пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

На основании статьи 55 (часть 1) Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения и о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Характерной чертой правовой коммуникации являются синонимы, традиционно трактуемые как слова, по-разному звучащие, но имеющие близкие или совпадающие значения. В большинстве случаев синонимы, обозначая одно и то же, характеризуют его с разных точек зрения.

В рамках когнитивного подхода синонимы – это единицы одного ментального пространства, которые соответствуют разным образам описываемой действительности [59; 60; 61].

Синонимы в правовой коммуникации демонстрируют семантическое и стилистическое различие терминов, при этом каждая из единиц номинативного ряда отражает специфическое содержание, например, *конфискация, изъятие, отчуждение, лишение, отбирание, взыскание, изъятие, изымание, лишение, отбирание, отнимание, отнятие, отобрание, отчуждение, отымение, реквизиция*. В данном случае дифференцирующим признаком, определяющим семантику лексических единиц, является «принудительность».

Синонимы различаются:

✓ **компонентами лексического значения:** *похитить* – *ограбить*: общий компонент смысла «присвоить чужое», но *похитить* имеет компонент тайно унести, увести или увезти; выкрасть, а *ограбить* – отнять чье-л. имущество, чью-л. собственность, применяя угрозы, насилие, разбой; довести до нищеты, разорить (поборами, обманом, налогами и т.п.); ср. также слова *преступник – мошенник – вор – убийца – бандит – жулик – злодей – разбойник – злоумышленник – грабитель – осужденный*;

✓ **стилем употребления:** *в пьяном виде* – *в состоянии алкогольного опьянения*, *клевета* – *клеветнические размышления*, *обыскать* – *произвести обыск*, *ударить* – *нанести удар*;

✓ **сочетаемостью с разными словами:** сочетаемость может не совпадать частично (*завладение* имуществом, общим вниманием, инициативой – *захват* имущества, власти, человека) или полностью (позиционные синонимы – слова с одинаковым понятийным содержанием, но с полным несовпадением лексической сочетаемости): *карие* глаза – *коричневый* костюм – *русые* волосы;

✓ **степенью современности:** *лицо* – *чело*; *злодеяние* – *преступление*;

✓ **сферой употребления:** *жилое помещение* – *кубрик* (проф.), *вешалка* – *тремпель* (диал.), *деньги* – *бабки, бабло, рубасы, бобосы* (жарг);

✓ **управлением:** характерный для кого/чего – свойственный кому/чему.

В юридическом дискурсе употребление синонимических единиц ограничено, что обусловлено требованием смысловой точности в правовой коммуникации. Например, участие – членство; товары, работы, услуги – гражданский оборот; несовершеннолетний – малолетний.

В юридическом дискурсе отмечается немногочисленное количество омонимов, например:

*заключение под стражу,
предварительное заключение, заключение эксперта, заключение прокурора;
болезнь была следствием травмы – следствием установлено;
привод задержанных – электрический привод;
собственная дача – дача показаний;
зарегистрированный брак – брак продукции;
привести доказательства – привести друга;
рейд сотрудников ГИБДД – рейд для разгрузки судов.*

Омонимы характеризуются различием плана содержания и совпадением плана выражения.

Паронимы, наряду с синонимами, антонимами, омонимами, являются неотъемлемым атрибутом правовой коммуникации. В настоящее время явление паронимии рассматривается в узком и широком понимании. К паронимам в рамках узкого значения относятся семантически близкие однокоренные слова, а в широком представлении – это близкие по звучанию слова. Паронимы традиционно понимаются как «близкие по произношению однокоренные слова, которые принадлежат одной части речи и одному семантическому полю, но имеют разные значения» (Бельчиков Ю.А., Вишнякова О.В., Красных В.И., Панова М.Н.). Как правило, лексические значения компонентов паронимической пары разграничиваются. Например,

*понятие – понимание,
образованность – образование,
подпись – роспись,
останки – остатки,
опасный – опасливый,
законодательный – законодательский,
обвинительный – обвинительский,
обоснование – основание.*

Например, *Возбудить по данному факту уголовное дело то есть представить подробный доклад.* В правовой коммуникации они могут приобретать терминологический характер, например, *вина – виновность – виноватый, вменение – вменяемый* и др. *Вина является важной составляющей уголовного права. Виновность – это вина, доказанная с учетом всех обстоятельств совершения противоправного деяния и установленная правоприменительным актом, вступившим в законную силу.*

Тавтология как способ организации правового текста

Тавтология как упорядочивающий прием является организующим фактором семантического аспекта юридического дискурса. Все тексты манифестированы тавтологическими элементами. На сквозном использовании тавтологии могут строиться обширные фрагменты, а также тексты целиком:

Из положений ст. 1100 ГК РФ следует, что компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда: вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ [51].

В соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ, допускается обжалование в судебном порядке постановлений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иных решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию [54].

Таким образом, лексико-семантический уровень юридического дискурса представлен следующими наиболее частотными лексико-семантическими единицами (таблица 1):

Таблица 1. Лексико-семантический уровень юридического дискурса

Тип единицы	Пример
Специальная лексика	<i>вменение</i>
Термины	<i>предварительный сговор</i>
Языковые клише	<i>признаки насильственной смерти; установить обстоятельства произошедшего; раскаяться в содеянном;</i>
Инвариантная модель сочетаемости слов	<i>заключить под стражу; закрепить доказательства; дать явку с повинной</i>
Лексические комплексы (синонимы, антонимы, паронимы, омонимы)	<i>преступление – противоправное деяние – правонарушение; виновность – невиновность; останки человека – остатки еды; эпизод преступный – эпизод художественный</i>
Тавтологические средства	<i>в силу пункта 1 статьи 313 Гражданского кодекса Российской Федерации кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом, если исполнение обязательств возложено на указанное третье лицо</i>

Перечисленные языковые особенности в совокупности образуют своеобразную лексическую систему, функционирование которой регулируется определенными правилами.

Используемый в юридическом дискурсе лексический континуум соответствует нормам современного русского литературного языка, учитывает стилистические особенности правовой коммуникации.

2.3.2. Грамматическая организация правового текста

Синтаксические особенности юридического текста помогают излагать сложное содержание правового поля в максимально доступной для интерпретации и восприятия форме. В наибольшей степени этому способствуют отглагольные существительные, а также широкоупотребительные конструкции, к числу которых относятся сложные предложения, предложения с причастными и деепричастными оборотами, предложения с однородными членами, страдательные конструкции и др. Проиллюстрируем данное положение.

Юридический дискурс характеризуется насыщенностью отглагольными существительными.

Отглагольные существительные получили достаточное освещение в лингвистике [62]. Отметим, что отглагольное существительное – это слово, обозначающее опредмеченное действие, описывающее какого-либо действие в отвлеченном смысле, без указания лица, которое его совершает, и других факторов, связанных с действием (время, завершенность). В юридических понятиях демонстрируется динамическая сторона явлений, этим объясняется преобладание отглагольных существительных в юридическом дискурсе. Например, *обыск, досмотр, расследование, вменение, обвинение, осуществление, выполнение, обеспечение, задержание, оформление, осуществление, снижение, арест, объяснение, дознание, довызыскание, подсудность, подсудный, неподсудный, сонаиматели, отчуждение, правоспособность, наказуемость, способствование, поставление, воспрепятствование, неоказание, основание уголовной ответственности, невиновное причинение вреда, эксцесс исполнителя преступления, виды наказаний, физическое или психическое принуждение, исполнение приказа или распоряжения, лишение права занимать, ограничение свободы, назначение наказания, отмена условного осуждения или продление испытательного срока, судимость, убийство, доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, замена неотбытой части наказания, отсрочка отбывания наказания, помилование, конфискация имущества, возмещение причиненного ущерба, подмена ребенка, грабеж, присвоение или растрата, вымогательство, подкуп работника контрактной службы и др.*

На основе приведенных примеров можем сделать вывод, что отглагольные существительные образуются как безаффиксным (бессуффиксным) способом словообразования: *ввоз, отказ, зачет, замена, отмена, неуплата, подкуп*; так и суффиксальным способом словообразования: *убийство, вымогательство, воспрепятствование, доведение, исполнитель, перевозка, конфискация, поми-*

лование. Отметим, что наиболее продуктивными суффиксами со значением отвлеченного процессуального признака оказываются суффиксы *-ниј/-ениј*.

Иногда обилие отглагольных существительных в тексте затрудняет восприятие информации. Например:

Непредставление данных экспертиз для внесения в реестр заключений экспертизы промышленной безопасности не свидетельствует неисполнении предписания.

Передать заявления о внесении заключений экспертиз промышленной безопасности в реестр заключений экспертиз промышленной безопасности в Управление нарочно 02.06.2021.

В этом отношении интересна позиция Верховского П.В., который подчеркивал, что глагол «вносит новые отношения между словами и делает ясной зависимость между членами предложений, очищает речь от лишних слов», и считал необходимым «восстановить права» глаголу в деловой речи [63, с. 108].

Таким образом, словообразовательная модель отглагольных существительных крайне востребована в рамках юридического дискурса. Частое использование пассивных (страдательных) конструкций в юридическом дискурсе объясняется необходимостью сосредоточения внимания на объекте действия или на самом действии. Например:

В результате проведенной экспертной работы получены фотоизображения реконструкции черепов неизвестных мужчин и женщин.

Организатор речной прогулки задержан, решается вопрос об избрании меры пресечения.

Задержанным в ближайшее время будет предъявлено обвинение и избрана мера пресечения.

В ходе операции пресечена деятельность крупной нарколаборатории, организатор и его пособники задержаны, изъято свыше 750 литров наркосодержащей жидкости и прекурсоров.

Возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.

Синтаксическая организация юридического дискурса характеризуется преобладанием сложноподчиненных предложений, которые предназначены эксплицировать логические связи. При этом используются конструкции условного, целевого, определительного, изъяснительного, обстоятельственного типов. Например,

В судебном заседании представитель истца – Тимашиевой И.В. – адвокат Даниленко В. В. поддержал позицию своего доверителя по тем же основаниям, суду пояснил, что при рассмотрении мировым судом уголовного дела № интересы Тимашиевой И. В. в судебном заседании представлял адвокат Машков Ю.М., действовавший по назначению суда. При этом, поскольку между Тимашиевой И.В. и адвокатом Машковым Ю.М. было заключено соглашение, считает, что уплаченная адвокату сумма в размере 20 000 рублей подлежит взысканию с Кришталь Н.Н.

В судебном заседании ответчик Кришталь Н.Н. исковое заявление не признала и суду пояснила, что существует сложившаяся судебная практика, что при оправдании подсудимых по делам подобной категории компенсация морального вреда с частных обвинителей взысканию не подлежит, ввиду того, что уголовное преследование по делам частного обвинения (за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ч. 1 и 4 ст. 147 УПК РФ) возбуждается частным обвинителем и прекращение дела, либо постановление по делу оправдательного приговора судом первой инстанции не является следствием незаконных действий со стороны государства, правила о реабилитации на лиц, в отношении которых вынесены также решения, не распространяются.

Однако использование данного способа защиты нарушенного права не является противоправным за исключением тех случаев, когда будет доказано, что заявление было направлено исключительно на причинение вреда другому лицу (злоупотребление правом) [64].

В период разбирательства по уголовному делу истцу приходилось неловко себя чувствовать, так как одни из свидетелей была родственницей ребенка, которого водят в детский сад, где работает истец.

Приводя в жалобе обстоятельства произошедших событий между ним и Т.Н.В., Т.Е.С., Т.(К.) А.С., а также его обращения в полицию с заявлениями в отношении указанных лиц в совокупности с подробным анализом постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 1 мая 2020 года, полагает, что дознаватель ОД ОП № 1 УМВД России по г. Ставрополю Синеокова А.О. не имела законных прав и оснований объединять данные заявления в отношении вышеуказанных лиц и выносить процессуальное решение одним документом, так как вышеуказанными лицами были совершены самостоятельные уголовные преступления, в различные даты и время, в различных местах, следовательно, дознаватель ОД ОП № 1 УМВД России по г. Ставрополю Синеокова А.О. обязана была вынести отдельное процессуальное решение в отношении каждого вышеуказанного лица.

Суд правильно указал о том, что дознавателем выполнен достаточный объем мероприятий, необходимый для установления значимых обстоятельств, проведена проверка содержащихся в заявлении сведений, по результатам которой, с учетом собранных данных, вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления содержащее анализ сведений, полученных в ходе проведенной проверки.

Апелляционное рассмотрение произведено без участия заявителя Токарева А.С. и заинтересованных лиц Т.Н.В., Т.Е.С. и К. (Т.) А.С., которые ходатайствовали о рассмотрении апелляционной жалобы заявителя в их отсутствие, а также в соответствии с ч. 3 ст. 389.12 УПК РФ в отсутствие дознавателя ОД ОП № 1 УМВД России по г. Ставрополю Синеоковой А.О., которая будучи надлежаще извещенной о месте, дате и времени заседания суда апелляционной инстанции, в судебное заседание не явилась, ходатайство об отложении судебного заседания не заявила.

Кроме того, вопреки доводам апелляционной жалобы о необходимости принятия отдельного процессуального решения в отношении каждого указанного лица, принятое дознавателем обжалуемое постановление от 1 мая 2020 года не противоречит требованиям уголовно-процессуального закона, поскольку оно принято в рамках одного материала проверки, в котором соединены все материалы по проверкам заявления от 10 января 2018 года заявителя о возбуждении уголовного дела в отношении Т.Н.В., Т.Е.С., Т. (К.) А.С.

Исходя из содержания пунктов 3 и 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», рекомендовано в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию выяснять, подсудна ли жалоба данному суду, подана ли она надлежащим лицом, имеется ли предмет обжалования; не подлежат рассмотрению судом жалобы на решения и действия (бездействие) должностных лиц органов прокуратуры, связанные с рассмотрением обращений по поводу законности вступивших в законную силу судебных решений; если лицо не согласно с постановлением прокурора или руководителя следственного органа, вынесенным в соответствии со статьей 124 УПК РФ, то предметом судебного обжалования выступает не сам по себе отказ прокурора или руководителя следственного органа в удовлетворении обращения лица, а непосредственно те действия (бездействие) и решения органов дознания, их должностных лиц или следователя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Частью 3 статьи 158 АПК РФ предусмотрено, что в случае, если лицо, участвующее в деле и извещенное надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, заявило ходатайство об отложении судебного разбирательства с обоснованием причины неявки в судебное заседание, арбитражный суд может отложить судебное разбирательство, если признает причины неявки уважительными.

*Однородные члены предложения выступают как важнейшее средство подробного описания предметов, их свойств, а также различных явлений, процессов и т.п. Особая полнота и точность перечисления однородных понятий – обязательное требование к языку законов, постановлений в официально-деловом стиле: *Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена... . Деяния, совершенные из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом либо повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия... .**

Используются «открытые» ряды однородных членов (возможно дополнение, на что иногда указывают слова и так далее, и тому подобное): Самые общие стилистические особенности речи создаются в зависимости от того, в какой сфере происходит общение – научной, эстетической, правовой и т.д.; а также «закрытые» ряды однородных членов с замыкающим союзом и перед последним словом перечисления; союз вносит значение исчерпанности, полноты

охвата всех случаев: *При назначении условного осуждения суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства.*

При использовании однородных членов особая четкость достигается их нумерацией, помогающей выделить и подчеркнуть каждый из перечисляемых предметов: *Видами наказаний, назначаемых несовершеннолетним, являются: а) штраф; б) лишение права заниматься определенной деятельностью; в) обязательные работы; г) исправительные работы; д) арест; е) лишение свободы на определенный срок.*

Шевченко А.Н. лично объявлений не видел, не занимался вопросом сбора доказательств, поручений о сборе доказательств никому не давал.

В 2021–2022 годах следователями и криминалистами совместно с сотрудниками полиции повторно изучены материалы уголовного дела, вновь допрошены родственники мальчика, установлены новые свидетели, проведены дополнительные оперативно-разыскные исследования, в результате установлено, что ребенок был убит собственной матерью, а ее сожитель склонил женщину к совершению преступления. После предъявления собранных доказательств женщина созналась в содеянном и изобличила своего супруга.

Оба фигуранта дали явки с повинной подтвердили свои показания в ходе их проверки на месте преступления.

В ходе допроса, а также проверки показаний на месте, злоумышленница показала и рассказала об обстоятельствах совершенного преступления.

Согласно части 1 статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

В правовой коммуникации в качестве однородных соединяются неоднородные несопоставимые понятия или элементы с разной синтаксической ролью, например, *те же деяния, совершенные неоднократно (как?) или лицом (кем?), ранее совершившим изнасилование. Те же деяния, совершенные в крупном размере (как?) или лицом (кем?), ранее судимым.*

На основании и во исполнении, в сроки и в порядке, в размере, в сроки и в порядке, на основаниях и в порядке, в порядке и по основаниям, на условиях и в пределах – отступление от литературной нормы, так как разные грамматические формы.

Предложения с причастными оборотами в юридическом дискурсе являются инвариантными среди различных синтаксических конструкций юридического текста.

Карпенко Е.Ю. подчеркивает, что «анализ функций и семантики причастия способен продемонстрировать огромный потенциал причастия как средства конденсации информации, и, следовательно, как средства повышения «информативной значимости» предложения и текста» [65, с. 14]. Очевидно, что для юридического текста информативность имеет основополагающее значение, и юридический дискурс является носителем важной информации правового характера. Категория информативности представлена в правой коммуникации

преимущественно в фактуальной форме. Фактуальная информация, переданная языковыми средствами, отражает явления действительности в их взаимосвязи и взаимодействии. При интерпретации текста эта информация составляет предметно-логическую основу текста. В юридическом дискурсе констатируются факты, содержатся правовые положения, регулирующие отношения граждан различных категорий в обществе, воздействующие на их сознание и волю. Правовая информация, как правило, носит предписывающий характер. Вместе с тем юридический текст также должен соответствовать параметру «информационная однозначность», под которой Кушнина Л.В. и Юзманов П.Р. понимают «полноту и точность интерпретации информации, не допускающую инотолкования, в том числе точность и полноту терминированных единиц» [66, с. 48]. Отметим, что ни концептуальная информация, ни содержательно-подтекстовая информация в правовом тексте не отмечена, отсутствие таких типов информации объяснимо тем, что кодекс не может отражать оценку автора, составителя или содержать какую-либо скрытую информацию.

В качестве средств, повышающих информативность текста, отмечаются синтаксические конструкции с причастными оборотами. Причастный оборот, представляя стилистический компонент речи, состоит из причастия и зависимых слов, относится к определяемому слову и характеризует его. Замятина И.В. отмечает, что «грамматика русского причастия складывается в результате взаимовлияния его морфологических и синтаксических свойств – двойственная морфологическая сущность причастия определяет его способность занимать разнообразные синтаксические позиции, а синтаксическая позиция позволяет причастию акцентировать либо глагольные, либо прилагательные свойства причастной формы» [67, с. 31]. Выделяют структурную модель, в которой причастный оборот располагается перед определяемым словом, а также модель, в которой причастный оборот располагается после определяемого слова. Следует отметить, что в правовом тексте причастный оборот в препозиции встречается редко, небособленные препозитивные причастия при этом имеют определительное значение. Постпозитивные причастные обороты достаточно частотны, при этом большое количество предложений содержит несколько причастных оборотов одновременно. Это могут быть однородные и неоднородные причастные обороты, то есть могут относиться к одному определяемому слову или к разным словам в предложении. Проиллюстрируем это в таблице 2.

Таблица 2. Позиция причастного оборота в предложении

Позиция причастного оборота	Примеры
Причастный оборот находится в препозиции по отношению к определяемому слову:	<i>... если преступление направлено против интересов Российской Федерации либо гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, ...</i> <i>... при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствииотягча-</i>

	<i>ющих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, ...</i>
Причастный оборот находится в постпозиции по отношению к определяемому слову: 1) один причастный оборот	<i>При рассмотрении уголовного дела Шевченко А. Н. был заявлен гражданский иск о взыскании компенсации морального вреда в сумме 50 000 руб., возложении на Белову Т. С. обязанности опровергнуть сведения, порочащие его честь, достоинство и деловую репутацию, который оставлен мировым судьей без рассмотрения.</i> <i>Моральный вред, причиненный Беловой Т. С., состоит в нравственных страданиях за свою судьбу в связи незаконным привлечением к уголовной ответственности, невозможности работать по специальности в случае осуждения за совершение преступления, опасениях за судьбу своих детей в связи с осуждением родителей.</i> <i>Выполняются следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств произошедшего и закрепление доказательств.</i>
2) несколько причастных оборотов относятся к одному определяемому слову, то есть однородные причастные обороты	<i>Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.</i> <i>Иностранцы граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы...</i>
3) несколько причастных оборотов относятся к разным словам в предложении, то есть неоднородные причастные обороты	<i>Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, ...</i> <i>Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.</i>

	<i>По местам жительства фигурантов и в используемых ими офисных помещениях проведено 10 обысков, в ходе которых изъяты компьютерная техника, печати фирм-однодневок, финансово-хозяйственная документация и другие предметы, имеющие доказательственное значение.</i>
4) несколько причастных оборотов разных типов	<i>Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.</i> <i>Военнослужащие воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут уголовную ответственность по настоящему Кодексу ...</i>

В правовом тексте превалируют постпозитивные причастные обороты, а также достаточно частотны ряды причастных оборотов в рамках одного предложения, при этом максимально проявляется предикативная функция причастий. Причастные обороты имеют немалый удельный вес от общего числа различных синтаксических конструкций. Причастные обороты, выражая информацию в сжатом виде (по сравнению с придаточными предложениями), выступают как средство, расширяющее информативное поле юридического текста.

Деепричастия и деепричастные обороты характерная примета юридического дискурса. Деепричастные обороты синонимичны придаточным предложениям.

Преимуществом конструкции с деепричастным оборотом по сравнению с придаточным обстоятельственным предложением является ее сжатость. Ср.: *Когда вы будете читать протокол, обратите внимание на примечания. – Читая этот протокол, обратите внимание на примечание.*

Представляя в судебный участок № 1 Ярославского судебного района Ярославской области Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 14.07.2019 Шевченко А.Н. не только не заблуждался относительно лица, против которого выдвигает обвинения, а достоверно знал, что Белова Т.С. не совершала того преступления, в котором он ее обвиняет.

В апелляционной жалобе заявитель Токарев А.С., выражая несогласие с постановленным решением суда по рассмотрению его жалобы, считает его необоснованным, несоответствующим фактическим обстоятельствам, нарушающим Конституцию и законы РФ, его права и потому является незаконным и подлежащим отмене.

Проверив материалы по жалобе, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, обсудив доводы апелляционной жалобы, суд апелляционной инстанции не усматривает оснований для ее удовлетворения.

Обсудив доводы апелляционной жалобы, заслушав выступление прокурора, исследовав представленные материалы, суд приходит к следующим выводам.

Мужчина, испытывая неприязнь к сыну своей сожительницы, не желая заниматься его воспитанием, путем уговоров склонил ее совершить убийство сына.

Обратим внимание, что отдельные причастные и деепричастные обороты в юридическом дискурсе являются клишированными: *деяния, предусмотренные настоящим Кодексом; наказание, предусмотренное настоящим Кодексом; смягчающие ответственность обстоятельства; руководствуясь ст... УПК РФ* и используются в определенных структурно-композиционных частях юридических текстов.

Несомненно, синтаксические средства создания юридического текста в процессе реализации его коммуникативно-прагматической установки играют огромную роль. Изучив исследуемый материал с точки зрения представленности синтаксических конструкций, наблюдаем многослойную синтаксическую организацию текста. Среди простых предложений можно отметить частотность использования предложений, осложненных однородными и обособленными членами предложения (особенно определениями, выраженными причастными оборотами). Среди сложных предложений выявлено преобладание предложений с подчинительной связью над предложениями с сочинительной связью. С помощью правильно выбранных синтаксических средств достигается точное и ясное формулирование правовых предписаний, обуславливается максимальная лаконичность текста и вместе с тем однозначность и доступность его восприятия.

Таким образом, правовой текст, хранящий и передающий юридическую информацию, должен быть ясным, понятным, точным, доступным для понимания и нацелен на информирование граждан об установленном правовом порядке в обществе. Этому способствует специфическая грамматическая организация, включающая отглагольные существительные, конструкции, к числу которых относятся сложные предложения, предложения с причастными и деепричастными оборотами, предложения с однородными членами, страдательные конструкции и др.

2.3.3. Текстовая деятельность сотрудников полиции

Доминирование институциональной модели коммуникации в правовой сфере обусловлено специфическим характером профессиональной деятельности сотрудников полиции. Отметим, что «институциональная дискурсивная деятельность регулируется единой, консолидированной в соответствии со спецификой социального института целью <...>, последовательно подчиняющей локальные конкретно-ситуативные дискурсивные интенции» [68, с. 38].

Институциональная коммуникация в сфере правовых отношений осуществляется посредством официально-делового стиля, поэтому он является главным инструментом правоохранительной деятельности.

Доминирующими конституирующими признаками, свойственными официально-деловому стилю, являются следующие: институциональность; информативность; протекание в нормативной ситуации; санкционируемость; использование в стандартных ситуациях; социально-статусная ориентированность; наличие определенной целевой установки; интенциональность; регламентированность; логичность и аргументированность.

В рамках профессиональной деятельности сотрудники полиции интерпретируют внеязыковую реальность, поэтому для них продуцирование текста является действием доминантным. «Текст в качестве единицы знакового общения <...> представляет собой особым образом организованную содержательно-смысловую целостность» [69, с. 149].

В правовой коммуникации функционируют специфические правила использования лексических и грамматических средств, обеспечивающих выполнение юридических требований к тексту. С одной стороны, лингвистические параметры текста документа определяются коммуникативной ситуацией и не учитывают ментальные особенности адресатов. С другой стороны, текст документа требует развернутости и полноты изложения, чтобы описываемая ситуация была реконструирована читающим во всех деталях и стала ему понятной.

Каждый составляемый сотрудником полиции документ обладает юридической силой. Главное в правоохранительной деятельности – это точность выражения смысла, экспликация не индивидуального, а нормативного, поэтому искажение семантической основы первичной информации не допускается. Этим объясняется необходимость стилистического преобразования текстового пространства, например, в случаях придания письменной формы показаниям свидетелей, задержанных, подозреваемых, потерпевших и т.д.

На лексическом уровне разговорные (просторечные, жаргонные и т.п.) формы трансформируются в официально-деловые, что соответствует условиям коммуникации и сфере употребления, например, *спать* вместо *дряхнуть*; *нож* вместо *ножичек*; *сожительница* вместо *любимка*, *пассия*, *любовница*; *лицо* вместо *рожа*; *сделать* вместо *сварганить*.

На грамматическом (морфологическом и синтаксическом) уровне преобразования осуществляются с опорой на функциональную окраску, поскольку она демонстрирует закреплённость формы за определённым функциональным стилем и определяет её выбор с учётом стилистического оттенка, например, *совершишь кражу, произвести изъятие, нанесение телесных повреждений* вместо *украсть, изъять, избить*; *свидетель предоставляет* вместо *обязан предоставить*; *заявление зарегистрировано* вместо *они зарегистрировали заявление*; *более строгое наказание* вместо *наказание строже*; *отсутствовал по причине болезни* вместо *отсутствовал из-за болезни*; *принуждение к даче показаний* вместо *заставить дать показания*.

Диапазон поиска и возможности выбора языковых средств для передачи определённых обстоятельств обуславливается конкретными ситуационными условиями профессиональной деятельности и правовой коммуникации. Например: *я не знаю, почему не пошел отмечаться в отдел, я забыл, когда надо ходить...* (фрагмент допроса лица, в отношении которого установлен административный надзор). Предпочтительный вариант: *18.06.2018 Ковалев В.М., являясь лицом, в отношении которого установлен административный надзор, умышленно, не имея уважительной причины, не явился в ОП № 3 УМВД России по...*. Преобразования меняют фокус текста, в целях его объективации активные конструкции заменены пассивными.

Вчера я была дома вместе со своим любовником. Мы вместе пили, потом начали ругаться, я схватила ножик и ударила его два раза в спину. Мой сын все видел. Предпочтительный вариант: *2 февраля 2022 года Журкова М.А. находилась в своем домовладении вместе с сожителем Чурковым С.М. Журкова М.А. и Чурков С.М. распивали спиртные напитки, в ходе застолья между подозреваемой и сожителем произошла ссора, в ходе которой женщина схватила нож и два раза нанесла удар мужчине в область задней поверхности грудной клетки. От полученных травм потерпевший скончался на месте происшествия. Очевидцем произошедшего стал сын Журковой М.А.* Персональный дискурс трансформируется в институциональный, который отражает нормативное речевое взаимодействие. В результате мотивированного преобразования акцентируется профессионально значимая текстуально организованная смысловая информация.

Текстовая деятельность сотрудников полиции включает не только понимание, конструирование, интерпретацию речевых произведений, но и приведение текстов посредством лингвистических средств в стилистическое соответствие официально-деловому стилю согласно сложившейся системе социально-статусных отношений, придающих тексту юридическую значимость. «Сотрудник полиции должен грамотно оценивать ситуацию и адекватно выбирать стиль общения» [70, с. 124].

Трансформация текстового содержания зависит от задачи, адресата, сферы общения и других параметров. Выбор языковых средств соответствует параметрам профессионального общения.

Профессиональная коммуникация сотрудника полиции, с одной стороны, обусловлена «чрезвычайно тесной связью речевого произведения с «живой» ситуацией общения и предметным миром» [71, с. 57], с другой – характеризуется целенаправленным использованием языковых средств, с помощью которых в юридических текстах можно квалифицированно описать любые объекты и действия.

Экспликация диктумного содержания осуществляется с помощью дискурсивных формул официально-делового стиля с учетом требований служебной деятельности сотрудников полиции. Стилистическая модификация текста определяется необходимостью обозначения сферы общения и подчиняется обязательным требованиям официально делового стиля – смысловой точности, которая составляет одно из главных условий правовой коммуникации [72, с. 184].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коммуникативная система права – это нормативно-институциональная система, основная функция которой заключается в документировании процессов управления в обществе.

В работе представлен комплексный теоретический и практический анализ (лексический, морфологический, синтаксический, парадигматический, концептуальный, дискурсивный) правовой коммуникации, описаны корреляционные связи права и языка, охарактеризован юридический дискурс как система правовой коммуникации, рассмотрено право в ракурсе теории коммуникации.

Для поддержания функционирования общества в целом необходимы предсказуемые, обязательные принципы поведения. Это обеспечивается функционированием правовой системы. Положения нормативных правовых текстов содержат нормы права, которые в первую очередь налагают права и обязанности на субъекты права.

Тексты являются элементами юридической деятельности и, как таковые, выполняют определенную функцию в рамках применения права. Создание и функционирование юридических текстов подчиняется определенным правилам, которые можно вывести из специфики предметной области. В частности, это определение цели, выбор терминологии и собственно производство текста в зависимости от задействованных юрисдикций, при этом соблюдая лексико-семантическую и грамматическую организацию правового текста, которая связана с реализацией формальной, содержательной и языковой направленности высказывания адресату в определенной ситуации юридического общения.

Таким образом, стратегию создания текста в юридическом дискурсе следует рассматривать как продукт ситуации с учетом различных факторов. Законодательство, принимаемое государственным органом, в основном содержит правовые нормы, которые регулируют поведение человека, заставляя людей совершать определенные действия и бездействие. Общие руководящие принципы для любого юридического текста – это обеспечение правовой прозрачности, ясности, доступности и определенности целевого текста.

При этом правовая коммуникация характеризуется императивностью, санкционированностью, принудительностью, эти свойства определяют выбор лексико-грамматических единиц. В юридическом дискурсе действует особая система правил употребления лексических, стилистических и грамматических единиц, обеспечивающих выполнение юридических требований к тексту. Вся характерная для правовой коммуникации совокупность языковых средств обеспечивает реализацию основной ее цели – упорядочение отношений между гражданами.

Итак, основу правовой коммуникации составляет юридический дискурс. Особенность юридического дискурса заключается в широком использовании лексико-семантических (понятийно-смысловых языковых средств (терминов), устойчивых оборотов, абстрактных понятий, синонимов, антонимов, парони-

мов, омонимов) и грамматических средств (отглагольные существительные, сложные предложения, предложения с причастными и деепричастными оборотами, предложения с однородными членами, страдательные конструкции) традиционно используемых в институциональной среде. С помощью этих средств в юридическом дискурсе можно профессионально описать любые объекты и действия.

Правовая коммуникация имеет многоуровневый характер, что обусловлено ее узкоспециализированной направленностью, поэтому лингвистическая репрезентация юридического дискурса осуществляется с помощью специфических лексических, стилистических и грамматических средств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. – Санкт-Петербург, 2002. – 94 с.
2. Громицарис А., Кравиц В., Федделер К. Правовая коммуникация в современной правовой системе // Правоведение. – 2013. – № 6 (311). – С. 58–77.
3. Воронцова Ю.А., Галиева Д.А., Хорошко Е.Ю. Юридический текст как базовый конструкт правовой коммуникации // Вестник Уфимского института МВД России. – 2022. – № 4 (98). – С. 168–175.
4. Денисенко В.В. Правовая коммуникация: теория права и реализация в правовых отношениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1(48). – С. 311–321.
5. Палеха Р.Р. Правовая коммуникация в механизме правового воздействия / Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.) / редколл.: Беляев М.А., Денисенко В.В. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 225–229.
6. Архипов С.И. Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал. – 2008. – № 6. – С. 7–17.
7. Усманова Е.Ф. Сущность и содержание коммуникативной функции правовой культуры // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 17. – С. 88–90.
8. Романова Е.А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 22 с.
9. Лушников П.В. Правовая коммуникация и ее участники: теоретический аспект // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2019. – № 3. – С. 369–378.
10. Константинова А.В. Формы осуществления функций права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Челябинск: Юж.-Урал. гос. ун-т, 2014. – 28 с.
11. Романенко Е.А. Вопросы соотношения коммуникации и правового общения // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2010. – № 12. – С. 149–154.
12. Честнов И.Л. Практическое измерение коммуникативной теории права // Правоведение. – 2015. – № 4 (321). – С. 50–58.
13. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. – Санкт-Петербург: Алет-Пресс, 2014. – 575 с.
14. Поляков А.В., Антонов М.В. Правовая коммуникация и современное государство // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2011. – № 6. – С. 214–220.
15. Парфенов А.А. О правовой коммуникативной компетенции // Право и политика. – 2019. – № 2. – С. 1–13.

16. Формирование правовой грамотности и правовой коммуникации: теория и практика: монография / Ю.В. Гаврилова, Ю.В. Куракина, Н.Н. Маслова, Е.В. Питько, А.В. Половникова, А.А. Сорокин, Н.С. Шутикова. – М.: Книгодел, 2022. – 216 с.

17. Дорская А.А. Правовая коммуникация общества и государства как способ преодоления кризисных явлений в российском праве: историко-правовой анализ / Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.). – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 123–127.

18. Карасик В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1 (21). – С. 17–34.

19. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // ИСОМ. – 2015. – № 1. – С. 61–68.

20. Кожемякин Е.А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрислингвистика. – 2011. – № 1 (11). – С. 131–145.

21. Косоногова О.В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного // Знание. Понимание. Умение. – 2008. – № 2. – С. 188–192.

22. Чернышев А.В. Юридический дискурс и его основные характеристики // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2016. – № 2. – С. 22–28.

23. Борисова Л.А. Юридический дискурс: основные характеристики // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГУ, 2016. С. 133–151.

24. Сафронова Т.С. Особенности понятия «юридический дискурс» // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 5–4. – С. 86–91.

25. Торгашева М.В. Функционально-стилистические особенности юридического дискурса // Юрислингвистика. – 2011. – № 11. – С. 157–161.

26. Хомутова Т.Н., Шефер Е.А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 3. – С. 44–53.

27. Будаев Э.В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины // Политическая лингвистика. – 2019. – С. 122–126.

28. Попова Е.В. Природа судебного дискурса // Вестник ОГУ. – 2016. – № 6 (194). – С. 24–29.

29. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – № 5–2. – С. 535–540.

30. Боголюбов С.А., Казьмин И.Ф., Локшина М.Д. [и др.] Особенности языка закона / Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Юрид. лит-ра, 1990. – 192 с.

31. Лобашевская И.С. Средства выражения коммуникативно-прагматического значения в официально-деловой речи // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2007. – № 2. – С. 49–63.

32. Воронцова Ю.А., Галиева Д.А., Хорошко Е.Ю. Лексико-семантическая организация юридического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – № 12. С. 3830–3836.
33. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции: учебник. – Казань: Центр экспертизы и маркетинга Казан. гос. ун-та, 1995. – 300 с.
34. Малинова И.П. Философия правотворчества. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 1996. – 146 с.
35. Прохорова О.А. Структурные и прагматические особенности директивного текста (на материале юридических документов древнеанглийского периода): дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 1999. – 21 с.
36. Широбокова Л.П. Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2007. – 19 с.
37. Храмцова Н.Г. Особенности правового дискурса как системы правовой коммуникации // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 1. – С. 167–173.
38. Айвазян О.О., Кукушкина А.А. Концепции правовой коммуникации как детерминанты коммуникативно-правовой культуры молодежи в разрезе социологической науки // Гуманитарий Юга России. – 2021. – Т. 10. – № 2. – С. 68–82.
39. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (ред. от 05.05.2014). – URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения 04.05.2022).
40. Хазова О.А. Искусство юридического письма. – Москва: Юрайт, 2015. – 103 с.
41. Титова О.З. Формирование языковой компетенции у курсантов ФКОУ ВО СЮИ ФСИН России при преподавании учебной дисциплины «Русский язык в деловой документации» // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 3(20). – С. 101–103.
42. Голев Н.Д., Иркова А.В. Сплошной синхронно-диахронный семасиологический анализ лексического состава текста закона (на материале статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2020. – № 452. – С. 21–27.
43. Федулова М.Н. Юридический дискурс как социокультурный и языковой феномен: уровни научной интерпретации // Филологические науки в МГИМО. – 2015. – № 4 (4). – С. 47–59.
44. Федулова М.Н. Предметно-тематический и жанровый аспекты лингвистического определения категории «Дискурс» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2014. – № 2. – С. 15–24.
45. Викулина М.А. Стереотипизация названий нормативно-правовых актов (на примере "Title VII of the Civil Rights Act 1964") // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 13 (829). – С. 9–20.

46. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). – URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 14.08.2022).
47. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022). – URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения 04.09.2022).
48. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022) – URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения 14.08.2022).
49. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – Москва: Языки слав. Культуры, 2004. – 472 с.
50. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. – Москва: Языки славянской культуры, 2008. – 321 с.
51. Гражданский кодекс Российской Федерации. – URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения 14.08.2022).
52. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 14.07.2022). – URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения 14.08.2022).
53. Федеральный закон от 24.06.1998 3 89-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об отходах производства и потребления». – URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения 14.08.2022).
54. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). – URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения 14.08.2022).
55. Лекомцев Ю.К. Антонимический текст // Текст: семантика и структура. – Москва: Наука, 1983. – С. 197–206.
56. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – Москва: Советская энциклопедия, 1966. – 598 с.
57. Ключева В.Н. Проблема антонимов // Ученые записки Московского пед. ин-та иностр. яз. – 1956. – Т. 9. – С. 75–85.
58. Колесников Н.П. Словарь антонимов русского языка / под ред. чл.-кор. АПН СССР, проф. Н.М. Шанского. – Тбилиси: Тбилис. ун-т, 1972. – 314 с.
59. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук, Ин-т языкознания. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
60. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова / Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 25–45.

61. Басинская М.В. Корпусный анализ семантики синонимов (на материале английских прилагательных) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 6 (822). – С. 66–78.
62. Лузина Г.Л. Исследования отглагольных имен существительных в русском языке (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. – 2001. – № 1. – С. 111–123.
63. Верховской П.В. Письменная деловая речь. Словарь, синтаксис и стиль. Разбор бюрократических шаблонов и нарушений грамматики в языке документов. – Москва: Техника управления, 1930. – 201 с.
64. Решение № 2-83/2021 2-83/2021~М-49/2021 М-49/2021 от 10 марта 2021 г. по делу № 2-83/2021 // Решение № 2-83/2021 2-83/2021~М-49/2021 М-49/2021 от 10 марта 2021 г. по делу № 2-83/2021 // СудАкт.ру.
65. Карпенко Е.Ю. Функционально-семантический потенциал полного причастия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Москва, 2004. – 15 с.
66. Кушнина Л.В., Юзманов П.Р. Исследование категории информативности в документном образовательном переводческом дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 1. – С. 46–51.
67. Замятина И.В. Грамматика русского причастия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2010 – 34 с.
68. Тубалова И.В. Институциональные речевые модели в личностно-ориентированных дискурсах различного типа // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. – 2014. – № 5 (31). – С. 38–52.
69. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе; отв. ред. И.Т. Левыкин. – Москва: Наука, 1984. – 268 с.
70. Посиделова В.В., Кугут А.В. Формирование коммуникативной компетентности сотрудников правоохранительных органов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2020. – № 20–2. – С. 123–124.
71. Формановская Н.И. Речевое общение и коммуникативное взаимодействие // Русская речь. – 2014. – № 4. – С. 55–58.
72. Воронцова Ю.А. Текстовая деятельность сотрудников полиции // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2022. – № 2 (43). – С. 181–183.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Воронцова Юлия Александровна,
кандидат филологических наук, доцент;
Хорошко Елена Юрьевна,
кандидат филологических наук, доцент

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Монография

Редактор
Комп. верстка

В.В. Безух
И.Ю. Чернышева

Подписано в печать 2024. Формат 60x90/16
Усл. печ. л. 5. Тираж 27 экз. Заказ № 11

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-535-8

